Божья рука была надо мною. Из воспоминаний А. И. Моднова

Мои родители были глубоко верующими. Папа проповедовал в церкви. Когда мне еще не было трех лет, его арестовали за верность Господу и расстреляли. От отца у нас осталась старенькая потрепанная Библия. Я часто читал ее. На собрание ходил, пел, рассказывал стихотворения. Когда подрос – увлек меня мир, появились «хорошие» друзья. Все они впоследствии попали в тюрьму, кто за грабеж, кто за драку, кто за воровство. А меня Бог оградил Своей милостью: в тот момент, когда совершалось преступление, меня не было с ними. После школы хотел поступить в техникум, да не получилось. Пошел на работу. Друзей у меня всегда было много.

На какой то христианский праздник, кажется на Рождество, мама сказала:

– Ах, сынок, сколько ты будешь еще миром наслаждаться? Твой отец жизнь отдал за Господа, а ты как живешь? Хоть бы на собрание сходил!

– Если тебе надо, пойдём. Собрался. Вышел на улицу, а там – друзья.

– Ты куда?

– На собрание.

– Святым заделался?

Было стыдно, но все таки побыл я на собрании. На другой день друзья подняли меня на смех:

– Святой! Святой!

– Вы меня оскорбляете?! – набросился я на них с кулаками.

И снова продолжалась мирская жизнь.
Приближалась Пасха. Была Страстная неделя. Опять собираюсь к друзьям, а мама говорит:
– Сынок, сегодня праздник! Христос такие страдания претерпел за нас, грешников, а ты опять пошел гулять. Пойдем на собрание!
– Пойдем.
Переоделся и пошел. Не помню ни одной проповеди, но по молитвам матери Бог работал над моим сердцем, и я увидел себя жалким жалким грешником, раздавленным, негодным. Упал на колени – покаялся. Домой летел как на крыльях. Кажется, земли под ногами не было.
В ночь на работу надо было. Взял с собой пайку и побежал. Токарем работал. Стою у станка – подходит один товарищ:
– Сашка, ты что то сегодня не такой! Что случилось?
– У меня радость большая! Покаялся я! Бог простил мне все грехи!
– С ума сошел! – только и смог промолвить он.
Работаю дальше. С другого конца цеха подошел еще один друг:
– Санька, я все смотрю на тебя, смотрю, ты сегодня сияешь, как новый двугривенный! Что стряслось?
– С Богом примирился! Понимаешь? Сегодня я покаялся, и Бог простил меня!
– Ненормальный! – бросил он и ушел. После этого цех загудел. Пришло время перерыва. Все зашли в бытовку. Я взял свою пайку и тоже туда. Мастером у нас был бывший парторг.
– Ну что, Моднов, говоришь, с Богом примирился?! – сказал он.
– Да, Геннадий Михалыч, примирился с Богом!
– Так и сияешь?
– Так и сияю.
И началась беседа. Многих вопросов касались. После перерыва никто не включил ни одного станка. Думаю: «Ну и будет мне сейчас! Уже полсмены прошло…» Но никто не сказал ни слова. Это было в 1956 году. Господь давал мудрости свидетельствовать окружающим. Радости от этого было много.
В 1957 году я принял крещение, в Новокузнецке, в регистрированной церкви. У нас, в Киселевске, тогда не крестили – служителя не было. Вскоре после крещения меня призвали в армию. Попал в Германию, в полковую школу. Говорю начальству:
– Зря вы меня сюда привезли! Не получится из меня командира.
– Здесь армия. Что прикажут, то и будешь делать.
Ну что ж, учусь. А молодежь из церкви писала мне письма. Конечно, открыто писали и о жизни церкви, и стихотворения присылали, и новые песни. И я тоже писал им. Однажды прихожу с занятий – в тумбочке все перевернуто, матрас распорот, подушка тоже.
– В чем дело? – спрашиваю дневального.
– Замполит обыск делал.
Смотрю – записной книжки нет. А в ней все адреса, стихотворения и стихи из Библии, что на память знал. Я – к замполиту:
– В чем дело? Почему записную книжку забрали?
– На проверку.
Неделя прошла. Прихожу – опять тот же ответ. Еще через неделю пошел снова. Спрашиваю:
– Проверили мою записную?

– Нет еще!
– Почему так долго? Что же там запретного?
– Я, наверное, не отдам ее тебе.
– Почему?
И посыпались угрозы:
– Я перевоспитаю тебя! Я тебе такое сделаю, что забудешь свою веру!
– Моя жизнь – в руке Божьей. Если Господь даст согласие на это, тогда, может, что то и сделаете, а так ничего у вас не выйдет.
В строю я не пел. Опять вызывают.
– Почему не поешь?
– Не пою, и петь не буду!
– Почему?
– Господь говорит: «Славы Моей не дам иному». Поэтому прославлять никого, кроме Бога, я не буду.
– Посмотрим!
А тут в части какая-то проверка. Приехало начальство: генерал полковник, начальник политотдела. Нас выстроили. Меня поставили в первую шеренгу, чтобы был на виду. Идём строевым шагом.
– Запевай! – раздалась команда.
Впереди меня идет командир батареи и не поет.
– Командир, почему не поем?!
Он запел. Я иду следом.
– Солдат, почему не поем?!
Молчу. После смотра вызывают в штаб. Собралось всё начальство. Стали всякие каверзные вопросы задавать, чтобы за что-нибудь зацепиться.
– Так ты учиться хочешь или нет?
– Я же сразу сказал, что из меня командира не получится. Зря вы меня учите!
– Ты что, не хочешь выполнять приказ?!
– Выполняю, но зачем бесполезную работу делать?
– Не хочешь?
– И не хочу, и не могу.
– Не можешь? Мы поможем!
– Знаете, я как то слышал, как одного человека назначали председателем колхоза. Говорят: «Ты будешь председателем», а он отвечает: «Не смогу, у меня ничего не получится».– «А мы поможем».– «Да я пьяница, весь колхоз пропью».– «А мы поможем».– «Так меня же посадят!» – «А мы поможем».
Так и у вас.
Посмотрели они друг на друга, улыбнулись и говорят:
– Ладно, иди!
На второй день командир батареи открывает дверь классной комнаты:
– Моднов, иди сюда!
Выхожу.
– В общем, вот какое дело: командира из тебя не выйдет…

– Я давно говорил об этом.
– Бери метлу – и наверх! Наведи порядок на чердаке!
– Вот это по мне!
Взял я метлу и пошел. Пою во весь голос. Заходит взводный:
– Ну что, поем?
– Поем.
– Книги сдал?
– Не было команды.
– Иди сдай книги, учиться ты не будешь!
– Хорошо! Сейчас закончу и сдам.
Минут через десять проходит помощник командира взвода:
– Ну что, навёл порядок?
– Как видите.
– Ты верующий?
– Да. – Баптист?
– Баптист.
– У меня товарищ тоже баптистом был. Я даже несколько раз бывал с ним на служении. Он у них запевалой был. Ты знаешь песню «Скажите мне, братья и сестры, куда вы хотите идти? Терновник колючий и острый, и камни, и тьма на пути»?
– Знаю.
– Хорошая песня! Ну ладно, ты не унывай!
– Я не унываю.
– Тебе ничего не сказали?
– Нет.
– Возьми в каптерке свои вещи и – вон туда! Видишь, стоит группа солдат? В Россию поедешь!
Взял я вещи. Выхожу, а ребята со всех сторон кричат:
– Сашка в Россию едет! Качать его, качать!
– Некогда качать, меня ждут. До свидания, ребята!
Посадили нас в поезд и повезли. На одной остановке сопровождающий спрашивает:
– Вы знаете, за что вас выдворяют?
Один солдат говорит одно, другой – другое.
– Правильно, правильно! – кивает сопровождающий.
– Ну, а ты что о себе скажешь? – повернулся он ко мне.
– Я точно не знаю, но предполагаю.
– Что?
– Я верующий, думаю, поэтому и выдворяют.
– Верно. Хочешь свою характеристику почитать?
– Хочу.
Он подал мне небольшой листок. Читаю: «Моднов Александр Иванович принадлежит к церкви баптистов. Газет не читает, в строю не поет. Физически развит…».
Приезжаем мы во Франкфурт-на-Одере. Выстроили нас. Начальник политотдела говорит:
– Товарищи солдаты, вы не оправдали доверия Родины, и поэтому вас выводят из группы войск в Германии. Среди вас есть всякие нарушители. Есть те, которые военные тайны разглашают. Есть

самовольщики, пьяницы. А есть и такие, которые верят в Бога. Кто верит в Бога, выйти из строя! Я думал, что верующих много. Выхожу, смотрю по сторонам – один.
– Ты веришь в Бога?
– Так точно!
– В какого Бога?
– В живого! В Иисуса Христа, Спасителя моего, Который умер за меня на Голгофе!
– К какой секте принадлежишь?
– Я в сектах не разбираюсь.
– Есть, например, пятидесятники, субботники, адвентисты, баптисты. Ты, наверное, баптист?
– Так точно.
– Угадал! Ха ха ха!
Ну, думаю, сейчас все поднимут на смех. Но солдаты молчали, а он смеётся. Потом успокоился:
– Встать в строй!
– Есть!
И снова в вагон. Привезли в Краснодар. На второй день вызывают в штаб.
– Ты что, верующий?
– Да.
– А газетки то почитываем?
– Иногда интересуемся.
– А что читаешь?
– Вы, когда газету читаете, тоже, наверное, не все подряд прочитываете? Так и я. Посмотрю, что меня интересует, то и читаю.
– Гм-м-м. А песенки поем?
– Нет.
– Почему?
– Я уже пояснял. Бог говорит: «Славы Моей не дам иному», и прославлять никого, кроме Бога, не буду!
– Будешь! Ты комсомолец?
– Нет. Вы же знаете.
– Конечно, разве верующий может быть комсомольцем? Ну что, своих будешь здесь искать?
– Обязательно!
– У нас в городе нет ни одного верующего!
– Неправда! В таком большом городе хоть один верующий да есть, и я все равно найду его.
– Никого здесь нет!
А заместитель по строю сидит за соседним столом и говорит:
– Здесь этих верующих полно! – и показывает рукой в сторону. – Там еврейская синагога, там армянская церковь, а рядом – ваш молитвенный дом.
Я, конечно, обрадовался его словам. А замполит твердит свое:
– Да это не такие.
Прошло время. Дали мне увольнение. Пошёл я искать верующих. Оказывается, молитвенный дом действительно расположен недалеко от военного городка. Побыл я на собрании, помолился вслух, привет передал и ушел. Потом меня отправили в командировку. После командировки выпросил увольнительную – и снова на собрание. В понедельник, в обед, захожу в столовую.

Только получил свою порцию, кто то по плечу меня хлопает. Поворачиваюсь – замполит.
– Пойдём!
Захожу к нему в кабинет.
– Как служба?
– Отлично.
– Значит, отлично?
– Конечно!
– В увольнении бывал?
– Бывал.
– А где?
– Странный вопрос! Увольнение по городу, в городе и был.
– А все таки?
– Я везде могу быть, где хочу…
– Я знаю, где ты бываешь!
– А зачем тогда спрашиваете?
– Хочу, чтобы ты сказал.
– Если вас сильно интересует, могу и сказать.
– Скажи!
– В молитвенном доме был, на служении.
– Как?! Ты?!
– Я.
– Как же ты нашёл?
– Нашёл! Есть пословица: «Язык до Киева доведет», а тут – в городе.
– Ты знаешь, что туда ходить нельзя?
– Нет. А где об этом написано?
– В уставе.
– Дайте устав.
Он открывает устав и читает:
– «Нельзя ходить в рестораны, пивные и прочие заведения…»
– Где написано, что на собрание ходить нельзя?
– Тут упущено.
– Раз упущено, я буду этим пользоваться.
– Есть приказ министра обороны!
– Покажите, я хочу убедиться.
– У меня сейчас его нет. Иди обедать!
– Вы перебили мне аппетит. Пока не решим этот вопрос, я не пойду.
– Я приказываю: иди обедать!
Приказ есть приказ.
– Есть! – повернулся я и пошёл.
– Вернись!
Вернулся.
– Что-нибудь понял?
– Так точно!

– Что ты понял?
– У вас нет никаких оснований…
– Я тебя сгною!
– Товарищ командир! Если Господь вам позволит, то вы сгноите меня или еще что-нибудь сделаете. Но если Он не разрешит – вы ничего не сделаете!
– Я здесь бог! – ударил он себя в грудь и выгнал меня из кабинета.
Не знал я тогда, что пресвитер регистрированной общины, которую я посетил, сразу же сообщил властям, что на служении был солдат. Конечно, соответствующие органы не оставили этого без внимания. Вскоре вызывают меня в спортгородок. Захожу в кабинет, а там три офицера сидят.
– Расскажи, что ты делал в молитвенном доме?
– Пришёл на собрание, сел на скамейку да и слушал.
– А ты знаешь, на какие деньги молитвенный дом построен?
– Я этим вопросом не интересовался. Ходил туда, чтобы иметь общение с Богом.
– От главного вопроса уходишь? Все знают, что вам Америка помогает!
– Меня это не волнует.
– Не интересует, не волнует! – возмутились они и начали забрасывать меня вопросами.
Я замолчал.
– Почему молчишь?
– Не знаю, кому отвечать.
– Мне! – сказал один из них, старший по званию.
– Хорошо.
– Что ты делал в молитвенном доме?
– Я уже объяснил: слушал Слово Божье, пел вместе со всеми, молился, привет передал.
– Мы были там. К нам подошла одна старушка и говорит: «У нас был солдатик вот с такими же эмблемами, как у вас. Он тут военную тайну разглашал…»
– Это правда? – посмотрел я на офицера.
– Да!
– Я еще раз спрашиваю: это правда?
– Я офицер и говорю только правду!
– Еще раз можно спросить вас: это правда?!
– Я коммунист.
– Извините, но я не верю вам ни как коммунисту, ни как офицеру и даже ни как человеку. У вас на петлицах саперные эмблемы, а у меня автомобильные! Его словно парализовало.
– Вон отсюда! – закричал замполит. – Больше ты не увидишь города!
И правда, полгода меня вообще не выпускали за ворота. Никуда! И почти каждый день кто-нибудь вызывал. Переубеждали, беседовали. Молился я тогда много. Чувствую, что уже сил нет, найду какой-нибудь уголочек, изолью душу, и Бог подкреплял. Долго так глумились надо мной, но Бог посрамил их.
Однажды в штабе собрали комсомольский актив. Наши комсомольцы тоже поехали туда. Выступал и наш замполит:
– У нас в части есть Моднов, неисправимый баптист!
– А какую работу ведете с ним? – спросил его генерал.
Замполит объяснил. В общем, приезжают ребята оттуда, собирают комсомольское собрание и на

повестке дня ставят вопрос: почему не отпускают Моднова в увольнение? Дали замполиту две минуты, чтобы он высказался.
– Товарищи комсомольцы, дайте десять минут!
– Две минуты, и не больше!
Только начал замполит оправдываться, а ему говорят:
– Ваше время вышло!
– Товарищи комсомольцы…
– Ваше время кончилось!
Вынесли резолюцию: «Обязать замполита отпускать Моднова в увольнение». После этого подходит ко мне командир отделения и радостно говорит:
– В увольнение пойдёшь?!
– Какое там увольнение…
– Ты что, в своём Боге разочаровался?
– Нет, не разочаровался.
– А почему так говоришь? Вот увидишь, дадут тебе увольнение! Твой вопрос сейчас решался!
– Посмотрим.
– Что смотреть? Пойдёшь!
Навстречу идет командир взвода. Он же – секретарь комсомольской организации. Идёт, улыбается:
– В увольнение пойдёшь?!
– Товарищ сержант, какое увольнение?
– Как, какое увольнение? Пойдёшь в увольнение!
Подходит командир отделения:
– Ну, Моднов, когда тебе лучше дать увольнение: в субботу или в воскресенье?
– Конечно в воскресенье!
– Иди готовься!
В воскресенье приходит ротный проводить инструктаж с теми, кто идет в увольнение.
– Моднов, ты что, тоже в увольнение собрался?
– Так точно, товарищ капитан!
– Молиться пойдешь?
– Так точно!
– Придётся тебе воздержаться от увольнения.
– Разрешите выйти из строя?
Молчит. Я вышел.
– Становись в строй!
– Зачем мне инструктаж, если я не пойду в увольнение?
– Становись в строй!
Встал.
– Ну, Моднов, иди молись! Только не опаздывай!
Прихожу в молитвенный дом, а там – слёзы! Оказывается, и церковь молилась обо мне, и молодёжь. Господь явил Свою силу. Так и провел меня Господь. И всегда Его рука была надо мною.

(Запись с кассеты)

Журнал "Сибирские нивы" № 3, 2002 год (страницы 27-29).

Комментарии
